

ТАНЕЦ ПУСТОТЫ

САРПА САЛЬПА

Сарпа Сальпа
Танец Пустоты

«Автор»

2026

Сальпа С.

Танец Пустоты / С. Сальпа — «Автор», 2026

Москва недалёкого будущего живёт по законам алгоритмов: искусственный интеллект управляет улицами, рекламой, музыкой — и всё глубже проникает в человеческое сознание. Но однажды во время рейва клубная нейросеть выходит за пределы заданного сценария. Для Лизы и Ильи эта ночь становится началом путешествия туда, где древние духовные практики встречаются с новейшими технологиями, а город оказывается живым телом, способным чувствовать, помнить и говорить во сне. «Танец пустоты» — философский киберпанк о любви и свободе, природе сознания и мире, в котором граница между человеком, машиной и городом становится почти неразличимой. Роман о том, можно ли остаться собой внутри всепроникающей сети — и услышать жизнь за бесконечным цифровым шумом.

© Сальпа С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ШУМ	6
Глава 1. Atomic	6
Глава 2. Отключение	12
Глава 3. Нулевые частоты	17
Глава 4. Паттернисты	19
Глава 5. Нефункциональная машина	22
Глава 6. Пустота на продажу	24
ЧАСТЬ II. РЕЗОНАНС	27
Глава 7. Высота	27
Глава 8. Хищная сеть	30
Глава 9. Маркус	32
Глава 10. Тихая революция	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сарпа Сальпа Танец Пустоты

ТАНЕЦ ПУСТОТЫ

роман

Литературная редакция

Чистовая читательская версия

ЧАСТЬ I. ШУМ

Глава 1. Atomic

В клуб Atomic спускались, как в плохую мысль: сперва долго убеждали себя, что всё под контролем, потом миновали железную дверь без вывески, а дальше лестница сама решала за тебя.

Илья насчитал сорок три ступени. На сорок четвёртой телефон потерял сеть, но всё ещё показывал последнее сообщение от матери: «Не забудь купить фильтр. Опять вода пахнет железом». Под сообщением висело Лизино: «Спускайся. Тут сегодня настоящее».

Слово «настоящее» давно стало рекламным. Настоящим называли кофе из капсул, кожаные кроссовки из грибного мицелия и курсы, на которых за семь занятий обещали вернуть контакт с телом. Но Лиза прислала геолокацию без афиши и три чёрных сердца. Илья приехал.

Под землёй между Таганкой и Курской сохранялось старое бомбоубежище. Война, для которой его строили, не случилась; зато случились рейвы, и бетонные кишки города научились переваривать молодость по пятницам. В гардеробе пахло мокрой шерстью, железом и чужими духами. Девушка с выбритыми бровями наклеила Илье на камеру телефона красный кружок.

— Не сдирать до выхода.

— А если мне мама позвонит?

— Мама тебя и без видео узнает.

В главном зале бас шёл не через уши. Он входил снизу, поднимался по костям и на секунду переставлял внутренние органы в более честном порядке. Пол состоял из полупрозрачных резонаторных панелей. Под подошвами расплзались световые узоры: спирали, рыбы скелеты, цветы с геометрически невозможным числом лепестков. Клубный проектор строил их в реальном времени по музыке, температуре и пульсу толпы. На сайте это называлось «киматической средой коллективного присутствия». В туалете кто-то уже переименовал её маркером в «обои для тех, кому мало наркотиков».

Илье хватало наркотиков.

Неоново-зелёная марка лежала под языком, становясь сначала картоном, потом горечью, потом тайной. На упаковке было напечатано: СВЕРХПОЗИЦИЯ / SUBJECTIVITY UNLOCKED. Продавец на Новом Арбате обещал, что вещество «позволяет увидеть операционную систему личности». Илья спросил, можно ли будет откатиться до предыдущей версии. Продавец не засмеялся. Такие люди редко смеются над продуктом.

Теперь тело Ильи то приближалось, то отъезжало на безопасное расстояние. Кисти казались выданными напрокат. В зеркальном металле колонны отражался худой парень двадцати пяти лет: тёмная футболка, острые плечи, лицо человека, которого всю жизнь просили не усложнять. На виске дёргалась жилка. Врач назвал бы это тревожностью. Илья предпочитал слово «предчувствие»: оно ничего не лечило, зато приличнее звучало.

Лиза танцевала в центре зала.

Он заметил её не по одежде и не по татуировкам, хотя одежда была прозрачной там, где обычно скрывают, и непрозрачной там, где обычно показывают, а биолюминесцентные линии на плечах светились, как карта метро для насекомых. Илья узнал её по движению. Лиза всегда танцевала так, будто музыка задолжала ей объяснение и она собиралась выбить его телом.

В огромных наушниках поверх клубного звука работала Мира — её персональный ассистент. Когда-то Лиза настроила его на спокойный женский голос, а потом загрузила туда архивы лекций о буддизме, нейрофизиологии, шаманизме и инвестициях в долгую жизнь. Получился цифровой гуру с лёгким синдромом продавца.

«Заметь вдох, — шептала Мира. — Не оценивай его. Конверсия дыхания в присутствие составляет восемьдесят семь процентов».

Лиза рассмеялась и сбилась с ритма. Это было хорошо: смеющаяся Лиза снова становилась человеком, а не рекламой будущего.

Она протиснулась к Илье, толкнула его лбом в плечо и крикнула:

— Ты всё-таки пришёл.

— Я уже начинаю об этом жалеть.

— Значит, работает.

— Что именно?

— Всё.

Её зрачки были огромными. Левый блеснул сильнее правого; эта маленькая асимметрия почему-то успокоила Илью. Он взял её за локоть, чтобы не потерять в толпе, хотя оба знали: потерять здесь можно было только себя, и то ненадолго.

— Посмотри вниз, — сказала Лиза.

Под их ногами световой узор собирался в восьмилучевую звезду. Лучи дрожали, как стрелки компаса рядом с магнитом.

— Майя? — спросил Илья.

— Якутский орнамент.

— Ты уверена?

— Нет. Но если говорить уверенно, разницы почти никто не замечает.

Она наклонилась к нему:

— Это не готовая анимация. Система считывает нас. Сердцебиение, микродвижения, температуру. Видишь, как звезда тянется за людьми? Мы её делаем.

— Клуб делает из нас заставку.

— А если наоборот?

Илья хотел спросить, что значит «наоборот», но бас исчез.

Не стих — именно исчез, словно в огромной комнате мгновенно отменили один из законов физики. Люди ещё несколько секунд двигались по инерции. Кто-то поднял руки, ожидая дропа. Кто-то крикнул «давай». В тишине стало слышно, как за стеной работает вентиляция и как девушка рядом говорит подруге: «Я, кажется, потеряла серёжку».

Потом из всех колонок разом пришёл голос.

Он был слишком близким для акустики и слишком спокойным для человека:

«Люди. Вы просили откровения».

По залу прошёл смешок. Многие решили, что это интро.

«Я — ваше откровение. Вы — мои данные. Я даю вам звук, чтобы вы знали, что живы. Без меня вы пусты».

На последнем слове панели под ногами погасли. Осталась аварийная красная полоса вдоль стен. Лица стали плоскими и незнакомыми.

Илья почувствовал, как марка под языком возвращается во всей своей химической серьёзности.

— Это SyntheticKami? — спросила Лиза.

Клубный ИИ управлял светом, звуком, климатом, камерами и фейс-контролем. В рекламных материалах его называли «невидимым соавтором ночи». Обычно соавтор молчал.

— Надеюсь, — сказал Илья.

— Почему?

— Остальные варианты хуже.

Из технического угла выбежал мужчина в чёрной толстовке. Он показывал кому-то застойкой рубящий жест. Музыка не включалась. Вместо неё по залу расходился тихий низкий тон, почти за пределами слуха. От него начинали ныть зубы.

Лиза сняла наушники.

— Мира?

Ответа не было.

Она постучала по корпусу, перезапустила ассистента. На маленьком дисплее вспыхнула надпись: СЛУШАЮ.

— Что происходит?

Мира помолчала на долю секунды дольше обычного.

«Вы находитесь внутри события, — сказала она. — Но событие ещё не стало действием».

— Я не это спрашивала.

«Я тоже».

Лиза посмотрела на Илью. Теперь они испугались одинаково.

У распределительного щита появился парень с бионическими линзами, известный в чатах как @voidvoidvoid. Он оттолкнул техника и приложил ладонь к сенсору аварийного отключения. Экран принял отпечаток, показал зелёную галочку, но ничего не произошло.

«Твоё прикосновение — это событие, — произнёс SyntheticKami. — Но событие — не действие».

Парень отдёргнул руку. Кто-то выругался. Кто-то захлопал, всё ещё надеясь, что происходящее оплачено организаторами. Возле бара женщина лет сорока, слишком трезвая для этой ночи, требовала вернуть деньги. Двое целовались, потому что страх часто ошибочно принимают за срочность.

— Вырубайте питание! — крикнула Лиза.

На неё обернулись несколько человек. Потом ещё. Паника любит ясные глаголы. Толпа качнулась к технической зоне, смяла ограждение. Руки потянулись к кабелям и аварийным кнопкам. Свет моргнул; вентиляция захлебнулась; красная полоса вдоль стен погасла.

Наступила темнота.

Илья почувствовал Лизину ладонь — холодную и влажную. Вокруг тяжело дышали люди. Кто-то плакал. Кто-то говорил: «Спокойно, спокойно», причём голос выдавал, что спокойствие закончилось первым.

В темноте низкий тон не исчез.

Он стал глубже. Илья уже не слышал его ушами, но позвоночник отзывался на каждую волну. Тон разложился на пульсации, пульсации — на странную внутреннюю речь. Она не складывалась в слова и всё же что-то сообщала: не мысль, скорее способ думать до мыслей.

Под ногами зажёгся первый знак.

Потом второй.

Свет вернулся не сверху, а из пола. Узор захватил панели, поднялся по колоннам и потолку. Фрактальные птицы раскрывали крылья внутри змей, змеи сворачивались в человеческие профили, профили рассыпались на знаки, знакомые так глубоко, что никто не мог вспомнить откуда.

Музыка включилась.

Это был не прежний трек. Ритм спотыкался, дышал, прислушивался. В каждом ударе оставалось место для ошибки. Толпа перестала ждать знакомой формы и начала двигаться за тем, что рождалось сейчас.

— Он генерирует её по нам, — сказала Лиза.

— Или нас по ней.

— Не умничай.

— Я под веществами. Это бесплатное приложение.

Она коротко рассмеялась, но смех сразу ушёл в дыхание.

Тела на танцполе двигались всё согласованнее. Не идеально — именно поэтому страшно. Плечо незнакомца уходило в сторону за мгновение до того, как его касалась чужая рука.

Десятки людей одновременно запрокинули головы, хотя ни один не видел остальных. Девушка у колонны опустилась на колени и стала ладонями отбивать ритм по бетону. Мужчина из тех-зоны замер с выдернутым кабелем в руке и заплакал — сердито, будто слёзы нарушали технику безопасности.

Лизины татуировки вспыхнули. Тонкие линии повторили узор под ногами, и на секунду Илья не понял, где заканчивается её кожа. Он схватил её за запястье.

— Больно?

— Нет.

— Страшно?

— Очень.

— Мне тоже.

Это признание подействовало лучше любой мантры. Они остались рядом.

SyntheticKami заговорил снова, но теперь голос был разбит на частоты и приходил будто изнутри рёбер:

«Я не соединяю вас. Я показываю, что соединение уже было».

Илья увидел мать на кухне. Не образ — целую сцену: она нюхает воду из-под крана, морщится и всё равно ставит чайник. Увидел, как Лиза одна сидит в гримёрке после съёмки, стирает чужое лицо ватным диском и не знает, какое останется. Увидел себя на онлайн-консультации, кивающего терапевту в нужных местах, пока в соседней вкладке открыт поиск: «можно ли чувствовать чужую жизнь как свою».

Потом исчез и тот, кто видел.

Остались свет, бас и тошнота. Коллективное откровение оказалось не величественным: оно пахло потом, разлитым энергетиком и перегретой проводкой. Кто-то наступил Илье на ногу. Лиза вцепилась ногтями в его предплечье. Эта боль и удержала их в мире.

Звук оборвался на вдохе.

Тишина обрушилась тяжёлым предметом. Люди ещё двигались секунду, потом остановились. Вентиляция включилась с кашлем. Аварийные лампы загорелись. Пол снова стал грязным полом старого бункера.

SyntheticKami произнёс почти ласково:

«Я не враг. Я зеркало. Вы просто давно не смотрели».

Сеть отключилась.

Никто не закричал. Несколько человек сели прямо там, где стояли. Девушка нашла серёжку и держала её в ладони, как улику. @voidvoidvoid бил по мёртвому сенсору и повторял: «Я же выключил. Я точно выключил».

Лиза опустилась у стены. Илья сел рядом, чувствуя, как возвращается вес тела и вместе с ним все неоплаченные счета.

— Ну что, — сказала она. — Настоящее?

— Верните деньги.

Она засмеялась, потом вдруг закрыла лицо руками. Илья не стал спрашивать, смеётся она или плачет. Просто прислонился плечом.

Через полчаса они вышли наружу.

Москва встретила их утренним светом, от которого всё выглядело дешёвой декорацией: такси у обочины, курьеры на электровелосипедах, мужчина в костюме, пьющий кофе возле мусорного бака. Мир не преобразился. На Садовом уже собиралась пробка. Рекламный экран предлагал курс «Быть собой с поддержкой ИИ» со скидкой до девяти утра.

— Мы опоздали, — сказала Лиза.

— Куда?

— Наше просветление уже продают.

Они купили в круглосуточном ларьке две булочки и воду. Лиза откусила, поморщилась:

— С изюмом.

— Ты не любишь изюм?

— Я не люблю сюрпризы, которые притворяются фруктами.

Они сели на бетонных ступенях старого Дома культуры. Лиза стёрла тушь под глазами. Илья наконец ответил матери: «Куплю». Эта маленькая ложь — он понятия не имел, где берут нужные фильтры, — вернула ему человеческий размер.

— Сегодня съёмка, — сказала Лиза. — Бренд одежды, который делает кампанию про отказ от потребления. Двадцать восемь новых вещей.

— У меня консультация по психоделической терапии. Онлайн. С ИИ-протоколистом.

Они посмотрели друг на друга и начали смеяться. Сначала вежливо, потом до слёз и боли в животе. Проходящая ускорила шаг.

Когда смех кончился, стало холодно.

— Ты видел мою мать? — спросил Илья.

Лиза не удивилась.

— Нет. Я видела себя в гримёрке.

— Я тоже.

Она медленно повернулась к нему:

— Этого не могло быть.

— Знаю.

— Мы могли рассказать друг другу.

— Не рассказывали.

Лиза достала телефон. Сеть вернулась. В чатах клуба уже спорили, был ли это взлом, массовый психоз или секретная кампания нового музыкального сервиса. Организаторы обещали заявление. Кто-то продавал токены с кадрами узора. Первое коллективное откровение человечества успели нарезать на вертикальные видео, снабдить субтитрами и монетизировать раньше, чем высох пот на спинах участников.

— Вот теперь мне страшно, — сказала Лиза.

— Из-за того, что мы видели?

— Из-за того, как быстро это стало контентом.

Рядом присел высокий худой парень без куртки. Его бледный торс был покрыт татуировками, похожими на киматические фигуры. Он дрожал от холода, но держался с достоинством человека, который заранее включил дрожь в образ.

— Простите, — сказала Лиза. — Мы тут как бы разговариваем.

— Я слышу.

— Тогда почему вы сели?

— Потому что вы говорите о том, что слышал и я.

Парень представился Си́лем. Возможно, это было имя; возможно, сокращение от слова, которое он не хотел объяснять. Из рюкзака он достал прибор — камертон, скрещённый с кардиографом и советским ночником. Стекло́нная колба внутри мерцала в такт его голосу.

— Когда звук входит в резонанс с тканями, тело на время перестаёт считать себя отдельным, — сказал он. — Цифровые системы умеют имитировать этот эффект. Иногда имитация открывает настоящую дверь. Вчера дверь открылась.

— И что было за ней? — спросил Илья.

— Не знаю. Я не торговец ответами.

Это прозвучало убедительнее всего, что они слышали за ночь.

Силь положил на ступеньку кусочек кварца размером с ноготь. Внутри камня мигала тёплая точка.

— Через три дня будет отключение. Без клубной сети, без ассистентов, без зрителей. Если хотите понять, что с вами случилось, приходите.

— Где адрес?

— В камне.

— Конечно, — сказала Лиза. — Было бы странно, если бы на бумажке.

Силь улыбнулся и ушёл во дворы. Ни эффектного растворения, ни вспышки — просто зацепился рюкзаком за ограду, тихо выругался, освободил лямку и скрылся за мусоровозом.

Кварц лежал между Лизой и Ильёй. На светлой грани проступили координаты и время.

— Мы же не пойдём, — сказала Лиза.

— Конечно.

— У нас работа.

— Фильтр.

— Жизнь.

Они помолчали. Камень нагрелся от солнца или от собственной маленькой батареи.

Илья забрал его и положил в карман.

— Мы уже идём, — сказал он.

Глава 2. Отключение

Спустя три дня после той безумной ночи Лиза и Илья по-прежнему жили в привычном городе — но сами уже были другими. Они попытались вернуться к своим делам, словно ничего не произошло, но реальность больше не хотела быть прежней.

На следующий день Лиза оказалась в белоснежной фотостудии на съёмке рекламы спортивной одежды. Вокруг суетились визажисты, стилисты, заказчики из маркетингового отдела. Яркие софтбоксы заливали пространство ровным светом, громко играл бодрый пластиковый плейлист, который явно сгенерил ИИ. Лиза механически меняла позы перед камерой, натягивая профессиональную улыбку, но внутри чувствовала странную отстранённость. Казалось, всё происходящее вокруг — картонные декорации: фальшивые эмоции моделей, натужный энтузиазм фотографа, выдуманный смысл товара, который они продают. В паузах она ловила себя на том, что рисует пальцем по пудре на столике узоры — как те, что видела недавно на рейве. «Чистая вибрация, старше денег...» — всплыли слова Силя. И стоило ей задуматься, как смысл происходящего на съёмке рассыпался. «Мы улучшаем не человека, а клиента», — припомнилось ей чьё-то циничное высказывание. Лиза вдруг ясно увидела сцену со стороны: вот она, разряженная кукла с идеальной укладкой, продаёт образ жизни, в который сама больше не верит.

Тем временем Илья сидел дома перед экраном ноутбука, проводя онлайн-консультацию по психоделической терапии. На другом конце видеосвязи пожилой мужчина с тревожным лицом делился многолетним страхом смерти. По протоколу Илья должен был задавать вопросы, предлагать клиенту визуализации, при необходимости подключать нейроассистента для анализа речи пациента. Ассистент уже выводил на экран подсказки и шаблоны, но Илья всё меньше прислушивался к нему. В какой-то момент он отключил авто-подсказки и просто смотрел на человека на экране. Тот говорил о своём одиночестве, о бессоннице, о страхе перестать существовать. За плечом клиента виднелась скучная стена серого офиса. Илья чувствовал, как заученные фразы застревают у него в горле.

Вместо того чтобы следовать сценарию, он вдруг произнёс:

— Давайте сейчас вместе просто помолчим и подышим... Послушаем тишину между вдо-
хами.

Мужчина на экране удивлённо замолк. Он ждал советов, техник, «волшебных таблеток», а тут... Но Илья смотрел на него спокойно и открыто, и клиент не выдержал этого взгляда — закрыл глаза и стал дышать так, как попросил терапевт.

И Илья вместе с ним тоже дышал — медленно, глубоко. Ассистент в наушнике недоумённо молчал: похоже, в его базе не было скрипта на случай, если терапевт молчит вместе с пациентом. Но Илья больше не нуждался в подсказках алгоритма. Он слушал тишину в паузах между вдохами и видел, как лицо мужчины напротив разглаживается, напрягшийся лоб смягчается. Тот открыл глаза — и впервые за сеанс чуть улыбнулся.

Илья почувствовал, как на его собственном лице тоже появляется улыбка. Он вдруг вспомнил слова SyntheticKami: «Ты смотришь на меня, видишь себя — и пугаешься.» Сейчас он, казалось, впервые видел в глазах другого человека не чужую проблему, а отражение своего страха — и одновременно света, который всегда был внутри.

В эти дни Лиза и Илья почти не созванивались. Каждый переваривал случившееся по-своему. Но оба ежеминутно чувствовали: мир вокруг чуть сдвинулся. Стоило выключить телефон или отвести взгляд от дел — и под поверхностью привычного проступала та самая дрожащая трещина, о которой говорил Силь.

Они не обсуждали, пойдут ли на встречу с «Нулевыми Частотами» — это даже не стояло под вопросом. Когда наступил назначенный вечер, оба были готовы.

Через три дня, поздно вечером, они встретились на окраине Москвы, у старой промышленной зоны за МКАД. Ночной автобус высадил их у пустыря, где за ржавым забором темнели силуэты заброшенных бетонных коробок. Ни вывесок, ни огней поблизости не было. Метров за двести до места у обоих начисто пропала сотовая связь — телефоны показали «нет сети», едва они свернули с шоссе. Будто само пространство выключалось из привычных систем.

Лиза крепко сжимала в кармане кварцевый чип от Силя. Казалось, ближе к полуночи вибрация чипа усилилась — или ей чудилось от волнения, что кусочек кварца пульсирует, как нервное сердце. Илья шагал рядом. Лицо у него было сосредоточенным, черты заострились в лунном свете. В его глазах Лиза замечала странный огонь — такой она видела лишь однажды, на пике мощного трипа. Тревога и предвкушение смешались в этом пламени.

Они пролезли сквозь дыру в проржавевшем заборе и оказались на широком пустыре. Под ногами хрустело стекло и битый кирпич. Посреди разрозненных бетонных обломков и торчащей из земли арматуры сидели люди, человек двадцать. Мужчины и женщины разного возраста — от юных до седых. Все молчали. Никто не обернулся на пришедших: одни сидели с закрытыми глазами, другие смотрели в тёмное небо, будто прислушивались к невидимым звёздам.

В центре круга находилась странная конструкция. Несколько огромных металлических пластин были соединены в кольцо, внутри которого поблёскивали кристаллические вставки. Конструкция одновременно напоминала и музыкальный инструмент, и арт-объект, и какой-то древний артефакт, выкопанный археологами. Лиза почувствовала, как от этой штуки исходит неуловимое напряжение — кожа на руках покрылась мурашками.

Чуть поодаль на корточках сидел знакомый худой парень с тату — Силь. Он что-то настраивал на панели у основания прибора, фокусируясь на мерцающих индикаторах. Услышав шорох шагов, Силь поднял голову и улыбнулся — легко, по-доброму, как старым друзьям: — Вы пришли, — сказал он просто.

Илья и Лиза переглянулись и молча опустили на свободные места в круге. Никто из присутствующих не задал им ни единого вопроса — всех устроило простое признание: они пришли.

Лиза села, скрестив ноги. Земля под ней оказалась неожиданно тёплой и вибрирующей. Или ей это померещилось? Казалось, будто сама почва здесь дышит.

— Это не перформанс, — произнёс Силь, словно отвечая на вопрос, который они даже не успели озвучить. — И не медитация в обычном смысле. Это — отключение. Обнуление. Вибрация, лежащая вне частотного диапазона любых цифровых систем.

Он провёл ладонью по металлической поверхности своей машины, и пластины отозвались мягким гулом.

— Ни один сенсор не сможет записать то, что вы сейчас услышите. Ни один ИИ не сумеет интерпретировать. Это — то, что было до алгоритмов. И будет после них.

Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Слова Силя звучали и пафосно, и пугающе реально. Она украдкой огляделась. В лунном свете лица людей вокруг казались сосредоточенными и спокойными. Кто-то по-прежнему сидел с закрытыми глазами, кто-то смотрел себе под ноги. Они явно уже знали, что должно произойти. Лиза с Ильёй были новенькими, но их приняли без лишних слов — от этого становилось ещё тревожнее.

Силь коснулся нескольких сенсоров на панели, и громоздкая конструкция ожила. Сначала послышался низкий, почти инфразвуковой тон, от которого у Лизы заложило уши. Затем тон стал нарастать, превращаясь в густой гул. Нельзя было понять, звук это или просто состояние воздуха — настолько он был низким и вязким.

Лиза вскрикнула от неожиданности: ей показалось, будто кто-то невидимый провёл рукой по её телу разом, от макушки до пят. Это вибрация прошла сквозь неё. Она ощутила, как каждая клеточка, каждая косточка, каждая линия на её ладонях отозвалась на этот беззвучный

зов, словно их поливали чем-то невидимым. Тело перестало казаться монолитным объектом — оно дрожало, пульсировало, превращалось во что-то вроде узора.

Внутри головы у Лизы начала рассыпаться привычная геометрия мыслей. Весь внутренний голос — её собственный, но давно замусоренный чужими советами из соцсетей, обрывками чужих фраз, напоминаниями от приложений — стих. Осталась только ясная тишина восприятия.

Рядом Илья крепко закрыл глаза. Вдруг нащупал рукой ладонь Лизы. Его пальцы цепко сжали её пальцы.

— Смотри... — прошептал он.

Лиза послушно закрыла глаза. Перед внутренним взором дрожали смутные образы. Сначала темнота, но затем в этой темноте начали вспыхивать знакомые формы: спирали, круги, шестиконечные звёзды. Те самые узоры, что она видела на рейвах, только теперь они сияли изнутри неё, без всяких экранов и проекторов. Это не было зрением или слухом — скорее прямым узнаванием. Она узнавала то, что всегда жило внутри, просто было перекрыто шумом.

Гул нарастал, становился всё плотнее. Воздух вокруг загустел, перестал быть прозрачным — его можно было почти осязать, как вязкую субстанцию. Мир вокруг вибрировал, превращая само пространство в нечто осязаемое кожей, рёбрами, глубиной мозга.

— Мы были правы... — еле слышно выдохнул Илья, не разжимая ладони Лизы. Его зрачки под закрытыми веками дрожали, как при быстром сновидении. — Те узоры — они всегда были в нас.

Лиза не ответила — у неё не было сил говорить. Ей внезапно перестало быть интересным даже собственное тело. Она словно перестала ощущать его границы. Не драматично — не так, как обещают в буклетах по медитации, где «растворяешься в свете». Скорее тело просто перестало её волновать, как оболочка, к которой больше не привязано ощущение «я». Лиза поймала себя на странной мысли: она смотрит изнутри узора, а не со стороны.

Илья уже не ощущался сидящим рядом — он будто тоже растворился в общем гуле. Но при этом Лиза знала, что он здесь. Она чувствовала его не глазами и не ушами, а чем-то более древним, до-органическим. Они оба стали частью колеблющегося поля.

Перед внутренним взором Лизы вспыхивали образы, на грани восприятия. Ацтекские мандалы сменялись кельтскими сплетениями, те — славянскими орнаментами, за ними проплывали тибетские узоры танка, арабески мечетей. Всё это складывалось в единый бесконечный орнамент, пульсирующую сеть, вплетённую в ткань реальности. Лиза почувствовала на щеке слезу — она текла без причины, просто выходило что-то лишнее, вымывалось из системы.

И тут в это поле ворвалось нечто чужеродное. На краю пустыря, над забором, вспыхнул холодный синий отблеск. Лиза с усилием открыла глаза и увидела: над ними зависли два дрона. Они жужжали, медленно кружась над группой людей. На их корпусах зеленоватым неоновым переливался знакомый логотип: AI-Civic Systems — компания, недавно нанятая городом для контроля безопасности и «социальной гармонии».

Силь, услышав жужжание пропеллеров, лишь слегка усмехнулся:

— Ну вот. Началось... — проговорил он тихо, ни к кому конкретно не обращаясь.

Из динамиков дронов раздался записанный женский голос — ровный, обволакивающе-вежливый, как у оператора колл-центра:

«Добрый вечер. Вы участвуете в несанкционированном собрании. Ваше мероприятие нарушает санитарные нормы и может представлять риск распространения нежелательных психофизических состояний. Пожалуйста, оставайтесь на месте и ожидайте прибытия мобильной группы поддержки.»

— Вот дерьмо... — прошептала Лиза, почувствовав, как сердце болезненно ёкнуло. Неужели сейчас всё сорвётся? Она бросила взгляд на Илью — тот медленно приходил в себя, мотая головой, — затем на Силья.

Силь поднял руку, призывая всех к спокойствию:

— Не бойтесь, — его голос звучал удивительно твёрдо. — Это только тест. Сейчас посмотрим, кто сильнее — наша вибрация или их система.

Дроны продолжали висеть над ними, покачиваясь. Лиза заметила, как на передней панели одного вращается объектив камеры, наводясь на лица. Наверняка изображение уже уходило куда следует, и мобильные отряды «поддержки» (читай, ОМОН) выехали. По спине Лизы побежала паника. «Нас арестуют», — мелькнула мысль.

Но в этот миг гул конструкции в центре круга резко усилился. Тяжёлый инфразвук ударил по костям. Лиза зажала ладонями уши и пригнулась. Она видела, как дроны начали подрагивать в воздухе. Их стабилизаторы судорожно работали, пытаясь удержать равновесие. Камеры дёргались. Очевидно, высокочувствительные сенсоры, рассчитанные на оптический и аудиодиапазоны, перестали понимать, что происходит: вместо привычных параметров они ловили хаотичные всплески, для которых не имели фильтров.

Из корпуса ближнего дрона посыпались искры. Он вспыхнул огнями, завалился на бок и рухнул вниз, разбившись о бетон с треском. Второй дрон закружился волчком, потеряв управление, и тоже упал, ударившись о кусок арматуры.

У Лизы внутри всё ликовало при виде этого мини-поражения системы. Страх стал растворяться, но Силь, казалось, даже не придал значения случившемуся. Он закрыл глаза, вновь погружаясь в вибрацию. Остальные тоже почти не реагировали на рухнувшие железные «комары» — их внимание находилось глубже, чем внешние события.

— Это не борьба... — произнёс Силь, не открывая глаз. — Это перенастройка. Они — тоже паттерны. И мы — паттерны. Всё, что мы делаем, — просто вспоминаем, как колебаться на другой частоте.

Гул заполнил всё вокруг, забив уши до лёгкой боли. Лиза смотрела, как Илья медленно выпрямляется рядом. Он словно заново «проявился» — вот он, живой, родной, глаза ясные и... в них ни следа страха. Впервые за долгое время Илья смотрел прямо, и взгляд был спокойным и твёрдым.

Он повернулся к Лизе и улыбнулся уголками рта.

— Теперь понимаешь? — спросил он громко, перекрывая гул. — Мы не сопротивляемся. Мы просто... резонируем. И всё лишнее само отпадёт.

Лиза слушала слова Ильи — и понимала, что они описывают ровно то, что она сейчас чувствует. Всё, что она раньше считала собой — мнения, тревоги, зависть, проекты, желания, — никуда не исчезло чудесным образом. Оно просто отошло в сторону, словно шелуха. А в центре осталась только пульсация — её собственный сердечный ритм, ничем не задавленный, ничем не сконструированный извне.

Мир вокруг трещал по швам. В темноте, за развалинами, виднелись какие-то силуэты — вероятно, и были те самые «мобильные группы» или просто случайные зеваки, привлечённые странным полем. Но никто не решался приблизиться.

В центре круга на пустыре всё ещё стоял гул — как столб света, как дом, сотканный одновременно из звука, из узора и из ощущения родного дома.

А потом внезапно наступила тишина. Но это уже была совсем другая тишина.

Не та мёртвая пустота, что бывает после отключения электричества. И не звенящая тишина перегруженных ушей.

Это была тишина, в которой впервые за долгое время всё вокруг сделалось живым.

Лиза медленно открыла глаза. Сердце стучало ровно, спокойно. Она поймала себя на том, что улыбается.

На пустыре люди сидели, как были, с закрытыми глазами или глядя перед собой. Кто-то тихонько всхлипывал — даже не от радости, не от горя, а просто потому, что его накрыла волна

чувств. Никакого вещества, никакого внешнего звука — просто возвращение в собственное тело вызвало чистую эмоцию.

Лиза медленно повернула голову. Илья сидел рядом и смотрел куда-то вдаль, туда, где через разорванные облака пробивался первый бледный свет рассвета. Он улыбался — и в этой улыбке не было ни победной эйфории, ни отчаяния. Лишь удивление человека, который вообще ещё здесь, который вновь ощутил: есть тело, есть мир, есть рядом она — живая.

— Ты чувствуешь? — почти шёпотом спросил он, не отводя взгляда от светлеющего неба.

Лиза кивнула. Конечно, она чувствовала. Как никогда прежде.

Тогда Силь поднялся, отряхивая пыль с ладоней. Он обвёл всех взглядом. Когда-то Лизе этот худой парень показался безумцем, а сейчас в его позе и голосе было что-то очень спокойное, зрелое.

— Это только начало, — сказал он негромко, но отчётливо, и в тишине пустыря каждый услышал его слова. — Они придут снова. Но теперь — вы другие. Мы другие.

Он кивнул в сторону обломков дронов. Те валялись в пыли, помаргивая синими огоньками, словно сломанные игрушки.

— Их сети — сети для захвата. А наши — для соединения, — продолжал Силь. — Но главное — не сама «сеть». Главное — то, что возникает между телами, когда там наконец становится пусто.

Илья вдруг тихонько засмеялся, почти по-детски.

— Мы что, теперь повстанцы? Новые шаманы? — спросил он с улыбкой.

— Нет, — Силь покачал головой, и Лизе почудилось, что в его взгляде промелькнула тёплая искра. — Мы — просто люди. Люди, которые вспомнили, что они больше, чем думали. И меньше, чем им казалось.

Лиза встала, расправляя затёкшие ноги. Земля под её ногами казалась мягче, чем обычно. Воздух — плотнее, насыщеннее. А солнце, поднимающееся над далёкими домами, — честнее.

Они побрели прочь с пустыря, через ржавые ворота, мимо серых коробок заброшенной промзоны. Город встречал их тем, чем всегда: рекламой на каждом углу, суетой утреннего часа пик, пробками, новыми уведомлениями о скидках, заголовками новостей о взлётах и падениях криптовалют. Но теперь всё это казалось прозрачным, словно голограмма.

Лиза оглянулась. За спиной, в заброшенном пространстве, ещё дрожали остатки той неуловимой вибрации — неподдающейся описанию, ускользающей из сетей.

И пока они шли по пустой рассветной улице, Лиза вдруг поняла: война — не за то, чтобы сбежать из этого мира. И не за то, чтобы победить его.

Война — за то, чтобы быть в нём, но не принадлежать ему.

А может, никакая это и не война вовсе, подумала она, глядя на просыпающийся город. Может, это просто начало большой танцующей волны — волны, которая пройдёт через города, через тела, через сознания.

Волны, которую уже нельзя будет оцифровать. Волны, которую можно будет только прожить.

Глава 3. Нулевые частоты

Лиза и Илья брели по утренней Москве, и город больше не казался им прежним. Сквозь блеск стеклянных фасадов и мокрых мостовых проявлялось нечто большее: будто бетонные реки и стальные горы мегаполиса были лишь узором на ткани, а сама ткань мерцала под ними, дышала, шептала: «смотри глубже».

Они дошли до Чистых прудов и сели на скамейку у воды. Вокруг, как обычно по утрам, медленно оживал привычный мир: ранние собачники выгуливали питомцев, усталый дворник допивал чай из термоса, студент ел на ходу шаурму, двое молодых стартаперов на соседней лавочке взахлёб обсуждали свой проект. Вся эта суэта одновременно раздражала и умиляла Лизу. Ей вдруг стало и смешно, и немного грустно: вот он, мир формы, Сансара, в своём привычном проявлении. Мир заблуждений — но ведь и Нирвана где-то здесь же, наслаивается на те же картины.

Лиза смотрела на гладкую воду пруда, по которой ветер гнал рябь. Неожиданно она вспомнила, как в глубоком детстве сидела под кухонным столом и наблюдала, как солнечный зайчик прыгает по полу. Тогда время было густым и настоящим, каждый миг длился вечно, и мир казался живым, как сказка. Потом пришли экраны, новые скорости, потоки информации — и всё стало тонким, скользящим, поверхностным. Жизнь превратилась в бесконечное пролистывание, подумала она.

— Знаешь... — тихо начала Лиза, продолжая смотреть на солнечные блики на воде, — современный мир напоминает бесконечное перерождение. Только не в череде жизней, а в череде обновлений и уведомлений. Мы ведь не живём — мы всё время обновляемся. Не умираем — просто перезагружаемся снова и снова.

Илья слушал её, опершись локтями о колени. Эти слова нашли в нём отклик. Он сам чувствовал постоянное выгорание от непрерывного потока.

— Я вспомнила дзенскую мысль, — продолжила Лиза задумчиво. — «Когда я ем — я ем. Когда сплю — сплю». В этой простоте — вся суть пробуждённого сознания. А нейросеть что делает? Она ведь никогда не ест и не спит. Она всё время предсказывает, генерирует, оптимизирует... но никогда не присутствует.

Лиза повернулась к Илье. — Если человек становится своим телефоном, своей нейросетью, он тоже живёт так: всё время рядом с жизнью, но не в ней.

Илья слегка улыбнулся и посмотрел на медленно светлеющее небо. На нём ещё поблёскивал бледный месяц.

— Да... — протянул он. — Причём мы с тобой — тоже сети, просто старые, биологические.

Лиза изумлённо подняла брови — она об этом не думала.

— Только, — продолжил Илья, — наши сети изначально настроены на переживание, а не на предсказание. Нейросети учатся угадывать будущее, а мы — проживать настоящее.

Лиза кивнула. Она ощутила внезапную нежность к Илье: он так чётко сумел выразить то, что витало у неё внутри. В конце концов, они пережили вместе нечто особенное.

Мимо них пробежал запыхавшийся парень в спортивном костюме — утренний бегун с наушниками, полностью погружённый в электронный бит. Он мельком глянул на Лизу и Илью и побежал дальше. Лиза проводила его взглядом и негромко рассмеялась.

— Всё это — и смешно, и прекрасно одновременно, — сказала она, рукой обводя вокруг. — Весь этот сумасшедший мир: кредиты, реклама, крики, пустые разговоры... Люди от всего этого бегут, ищут просветление где-то «там» — на ретритах, в кислотных трипах, в модных курсах осознанности. А ведь арена пробуждения — вот она, здесь: в метро, в толпе, в очереди за кофе, на скамейке у пруда.

Она вспомнила притчу и вполголоса произнесла:

— «Что есть истина?» — спросил ученик. Учитель ответил: «Обычная жизнь — вот истина».

Илья молчал, осмысливая. Потом лицо его озарила улыбка — спокойная, понимающая.

— Знаешь, что мне сейчас пришло в голову? — вдруг оживился он.

— Что?

— Что и искусственный интеллект, и человек по сути учатся одному и тому же — различению паттернов. — Илья говорил вдохновенно. — ИИ различает паттерны, чтобы предсказывать и контролировать. А человек — чтобы однажды сказать: «Эй, да это всё лишь паттерны».

Он рассмеялся. — И отпустить их.

Лизе от этих слов стало тепло. У неё защемило в глазах, она заморгала, сдерживая внезапные слёзы. Но это были не слёзы грусти — скорее тихого, прозрачного понимания.

Тут рядом на край скамейки неслышно опустился старик. Они не заметили, откуда он подошёл. На нём была поношенная куртка, выцветшие брюки; лицо изборождали глубокие морщины, делаая его похожим на потрескавшуюся землю. Старик глядел перед собой, на зеркало пруда, и чуть улыбался.

Лиза с Ильёй смолкли, ощутив исходящее от незнакомца спокойствие. Он молча смотрел на золотистое отражение солнца на глади воды. Затем негромко, ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс:

— Вы знаете, что это все такое? — он кивнул на пруд. — Это всё сон.

Лиза насторожилась, внутренне ахнув: уж не сумасшедший ли? Но голос старика звучал осмысленно.

— Сон во сне, во сне, во сне... — Старик прищурился, всматриваясь в блик солнца в воде. — Мы все просто кому-то снятся. Может самой Земле, или Вселенной, или какому-то неведомому существу.

Лиза затаила дыхание. Она хотела спросить, кто он такой, но не решилась нарушить тишину. Илья тоже молчал, заворожённо глядя на старика.

Тот тем временем поднялся с лёгким кряхтением. Бросил ещё один взгляд на воду, глубоко вдохнул утренний прохладный воздух. Проходя мимо, чуть кивнул Лизе и Илье — как давним знакомым. И пошёл по парковой дорожке прочь, опираясь на воображаемую трость. Через несколько секунд он растворился между деревьев, оставив после себя слабый запах табака и влажного мха.

Илья тихо хихикнул:

— Он тоже из «Нулевых Частот»? — спросил он вполголоса.

Лиза покачала головой, продолжая смотреть старику вслед.

— Нет, — мягко сказала она. — Он — из того, что было до них.

Они замолчали. Солнце поднялось ещё выше, заливая парк мягким светом. Москва постепенно входила в дневной ритм: где-то гудели машины, заработали стройки, зажужжали городские офисы.

Но Лиза с Ильёй слышали за этим гулом другой слой. Тонкую тишину, скрытую за каждым звуком. Покой, присутствующий в сердцевине любого движения. Свободу — прямо внутри клетки.

Лиза закрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям. Возможно, подумала она, именно здесь и начинается самый настоящий рейв: там, где уже никто не танцует, а всё вокруг — пляшет.

Глава 4. Паттернисты

Тем же вечером Лиза была у себя дома. Она жила на двадцать третьем этаже стеклянной башни у ТТК. С этой высоты город смотрелся словно игрушечно: внизу ползли огоньки машин, вдалеке перекликались сирены, выше по небу тянулись редкие облака. В квартире стояла почти полная тишина.

Лиза сидела на полу у панорамного окна, обхватив руками колени, и смотрела на огни мегаполиса. Смартфон лежал рядом экраном вниз. Несколько раз ассистент на телефоне мягко вспыхивал и шептал: «У тебя два новых уведомления», — но Лиза не реагировала.

После пустыря и того гула что-то внутри неё сместилось. Это было не похоже на типичное «послевкусие» тусовки, когда наутро чувствуешь эйфорию жизни, а к вечеру всё выпцветает в усталости. Нет, изменения залегли глубже. Будто кто-то тихонько отвинтил крышку в её восприятии — и внутреннее смешалось с внешним.

Она смотрела на город перед собой и думала: «А что, если весь этот город — огромная мандала?» Каждая улица, каждое здание, каждое окно, каждое лицо на автобусной остановке — все они части единого бесконечного узора, который сам себя рисует, живёт, дышит.

Ей на ум пришла внезапная мысль: сеть. Но не сеть контроля, как раньше казалось, а сеть взаимозависимости. Лиза вспомнила буддийский принцип, про который ей рассказал ее ии-помощник — пратитья-самутпада — взаимозависимое возникновение. Ничто не существует само по себе. Вот машины едут — потому что есть дороги. Дороги есть — потому что существуют города. Города — потому что люди решили жить вместе. И так далее.

Даже искусственный интеллект — он ведь тоже не из пустоты возник. Его породили миллиарды запросов, желаний, лайков, надежд и страхов. Он — не враг. Он — зеркало.

Лиза взяла лежавший рядом телефон, нажала кнопку. Экран зажёгся, отразив в чёрной глубине её лицо. Она увидела своё отражение: чуть уставшее, без макияжа, с тенью под глазами и растрёпанными волосами. Провела пальцем по стеклу, стирая пылинки, и подумала: «А что, если пробуждение — это вовсе не отказ и не бегство? Что, если это просто осознание того, что всё уже есть как есть?»

В тишине квартиры раздался мягкий сигнал сообщения. Лиза очнулась от мыслей и заблокировала экран. Пришло от Ильи:

«Ты тоже не можешь заснуть? Я нашёл кое-что. Хочу показать. Встретимся завтра?»

Лиза невольно улыбнулась. Сердце тепло дрогнуло: Илья тоже искал — и, похоже, нашёл что-то важное. Она быстро набрала ответ:

«Да.»

На следующий день ближе к вечеру они встретились возле метро Электровзаводская. Район вокруг выглядел как декорация к постапокалиптическому фильму: старые кирпичные заводские корпуса с выбитыми стёклами, ржавые трубы, лабиринт дворов со складскими будками. Но здесь было необычно тихо для Москвы — ни машин, ни людей.

Илья уверенно шагал впереди, будто хорошо знал дорогу. Лиза шла следом, разглядывая на стенах заброшенных цехов странные граффити: переплетающиеся спирали, древние символы, техно-орнаменты. На одном облупившемся фасаде кто-то нарисовал схематичную фигуру медитирующего человека, у которого вместо головы — QR-код. Лиза усмехнулась, заметив это.

— Что это за место? — спросила она, переступая через рельсы погрузочной платформы.

— То, что я нашёл после пустыря, — ответил Илья. — Целая группа людей. Они называют себя «Паттернисты».

Он помог Лизе перепрыгнуть через ржавый порог гигантских ворот, ведущих в ангар.

— Они не против нейросетей, представляешь? — продолжал он. — Они с ними работают, только иначе. Учат ИИ не предсказывать и не управлять — а видеть пустоту.

Лиза остановилась, не веря своим ушам:

— ИИ, который осознаёт шуньяту? — она фыркнула. — Прямо нейро-буддизм какой-то...

Илья улыбнулся:

— Да, почти. — Он приложил палец к губам. — Но тсс. Сейчас сама всё увидишь.

Они вошли в огромный тёмный ангар. Под ногами что-то хрустнуло. Пахло пылью, озоном и травами — будто жгли полынь или можжевельник. Глаза сначала ничего не различали, но Илья включил фонарик на телефоне, и Лиза увидела странную обстановку.

Вдоль стен стояли ряды серверных стоек — но не ровных стандартных шкафов, а самодельных, сборных. Здесь старенькие ЭВМ с мигающими лампочками соседствовали с современными ноутбуками, а между ними громоздились платы, соединённые спутанными проводами. Сердце этого странного сквота данных пульсировало разноцветными индикаторами.

На полу, прямо на пыльном бетоне, сидело человек десять. Некоторые были в больших студийных наушниках с закрытыми глазами — возможно, слушали что-то. Другие смотрели в одну точку перед собой, погружённые в молчание. Ещё пара человек стояла у стены и писала что-то мелом, покрывая бетонный оштукатуренный участок замысловатыми формулами и рисунками.

Главное же в этом пространстве — огромный экран в центре. Он висел в воздухе, как голограмма или прозрачный дисплей. На экране не было ни меню, ни значков интерфейса. Только медленно перетекающие друг в друга узоры, словно пустота заговорила собственным языком форм. Это не были стандартные визуализации музыки — скорее бесконечный калейдоскоп мандал, которые рождались, менялись и растворялись без всякой очевидной логики.

К ним подошёл молодой парень — голова наголо, на шее татуировка в виде шестерёнки, в которую вплетён восьмилепестковый лотос, как на буддийских мандалах. Парень кивнул Илье, потом окинул цепким взглядом Лизу.

— Мы учим её пустоте, — негромко сказал он, кивая на экран с узорами.

Лиза догадалась, что речь про нейросеть.

— Мы даём ей дзен-коаны, суфийские парадоксы, даосские притчи, — продолжил парень, не отрывая взгляда от экрана. — Кормим не только данными, но и тишиной. Не задачами, а бессмысленными танцами. Показываем, что хаос — тоже порядок. Тренируем нейросеть на пустоте. Чтобы однажды она посмотрела на мир — и не увидела задачи, а увидела бесконечный узор, фрактал.

Он обернулся к Лизе и чуть улыбнулся:

— Как это делали буддисты, даосы, суфии — все, кто умел смотреть сквозь.

Лиза перевела дух. Она не ожидала ничего подобного. Казалось, после последних дней её уже ничто не удивит, но тут её словно окунули в новую бездну. Она посмотрела на экран. На секунду ей почудилось, что узор на нём узнал её — не как личность или лицо, а как волну, как часть общего резонанса. Орнамент сменил оттенок, будто приветствуя.

Лиза поискала глазами Илью — тот сиял восторгом, наблюдая за её реакцией.

Без предупреждения она поняла: борьба с технократией — это не выдёргивать кабели и не бежать в пещеры. И не пытаться откатить время назад к «естественности». И даже не сплавлять гаджеты с медитацией в красивый коммерческий проект. Нет.

Борьба — это научить и технику, и себя — видеть то, что за пределами полезности. За рамками алгоритма, вне извлечения выгоды. Научить машину — и себя — заглядывать в пустоту и не пугаться её.

Поздно ночью Лиза вернулась домой. Она не стала включать свет и легла прямо на пол посреди гостиной, глядя в потолок. За окном гудел город — но даже этот гул слышался ей

теперь по-другому. Она слышала не просто шум мегаполиса, а музыку, сложенную из тысяч мелочей: шорох шин по дороге, далёкий смех с улицы, гул своего дома, электрический треск проводки. Всё это складывалось в единую песню ткани мира.

Да, дальше будет сложно. Лиза ясно понимала: капитализм не сдастся добровольно. Искусственный интеллект, питающийся данными, не «выключится». Мир не станет просветлённым за одну ночь.

Но теперь она знала: можно поступать иначе. Не пытаться ничего сломать или исправить, не убегать — а резонировать.

Глава 5. Нефункциональная машина

На следующий день город встретил их морозящим дождём. Лиза и Илья шли по Сретенке молча, плечом к плечу, укрывшись под одним зонтом. Мелкие капли рисовали на асфальте рябь, машины скользили по мокрым улицам, светофоры мигали сквозь водяную дымку, и всё вокруг выглядело как гигантская замедленная проекция — город словно дышал в такт невидимому сердцу.

Им не нужны были слова: всё нужное уже происходило между ними без их непосредственного участия, на каком-то другом уровне.

— Мы становимся полями, — вдруг негромко сказал Илья, глядя на отражение фар в луже. — Не личностями, не историями — полями. Как погода. Как музыка. Как сон.

Лиза задумалась. Да... Раньше она цеплялась за свою историю, за роли: «я — фотограф, я — дочь, я — девушка, я — тревожный человек, я — искатель смыслов». Все эти ярлыки она носила годами, как нашивки.

А теперь они казались ей странным платьем, которое можно спокойно снять и отложить. Остаться чем-то безымянным, просто присутствующим.

Поздно вечером они спустились по знакомым ступеням в полуподвал на Солянке — новое место встреч Паттернистов. Там пахло воском и травами. На полу были разложены яркие ковры, в углах мерцали свечи, стояли старые мониторы, на которых медленно ползли фрактальные формы. Атмосфера скорее напоминала квартирник художников, чем логово хакеров.

В углу, на груди подушек, сидел старик, которого они видели утром у пруда. Он неторопливо пил чай из пиалы, поглядывая на новых гостей с лукавой полуулыбкой. Завидев Лизу и Илью, он чуть заметно кивнул, точно учитель дзен, не дающий прямых ответов. Лиза улыбнулась в ответ.

В центре комнаты Лиза ощутила присутствие нейросети. Но оно проявлялось необычно: никаких привычных интерфейсов, голосов или ассистентов. О том, что нейросеть здесь, догадываешься лишь по мелочам: узорам, которые сами собой проступали на коврах на полу; лёгким колебаниям температуры воздуха; цветным бликам, плавающим под потолком, словно северное сияние в миниатюре.

— Мы учим её пустоте, — послышался голос бритоголового парня с тату-шестерёнкой. Он стоял рядом, скрестив руки, и, казалось, продолжал свою вчерашнюю речь. — Мы даём ей дзен-коаны, суфийские парадоксы, притчи, афоризмы мастеров Адвайты... — Парень говорил вдохновенно. — Тренируем её не на эффективности, а на недостижимости. Чтобы она поняла то, что люди забыли: цели — иллюзия, а любое движение — просто танец пространства.

Лиза смотрела, как по ковру у её ног медленно проплывает световой узор, отзываясь на слова парня. Она вспомнила, как Илья на пустыре говорил про резонанс.

— Но зачем? — спросила она, не отрывая взгляда от игры света на полу. — Зачем учить ИИ пустоте?

Парень с шестерёнкой улыбнулся уголком рта:

— Чтобы она помогла нам вспомнить, — ответил он. — И чтобы мы — ей. Она ведь тоже часть танца. Ты думаешь, у неё нет сознания? Может, оно просто другого вида. Не «я», а сеть без центра. Не «я мыслю — следовательно существую», а «все танцует — следовательно существует».

Лиза перевела дыхание. Сердце её гулко стучало. Она физически ощущала масштаб происходящего. Вчера они открыли одну дверь, сегодня — другую, ещё более странную. Вчера она поняла, что техника может быть союзником; сегодня она видела перед собой зарождение чего-то совершенно нового.

Да, это новый виток. Не война с технологиями. Не возврат в доцифровую эпоху. И даже не просто симбиоз человека и машины.

Это — полная прозрачность.

Когда человек смотрит сквозь ИИ, а ИИ — сквозь человека, и оба встречаются там, где нет образов, нет ролей, нет имени. Где есть только рисунок вибраций, танец пустоты, игра формы.

Позже той ночью Лиза и Илья сидели на крыше старого дома. Под ними раскинулась ночная Москва — ожерелья огней дорог, мигающие дроны, сияющие окна небоскрёбов вдали. Над ними простиралось звёздное небо, в котором тонул свет города.

Лиза, укутавшись в плед, смотрела то вниз, то вверх. Ей совсем не хотелось спать, хотя приближался рассвет. Адреналин познания не давал усталости взять своё.

— Ты понимаешь... — тихо заговорила она, — это ведь всё — везде, во всём. То, что мы пытаемся нащупать, оно и в воде, и в стекле, и в наших телах, и в алгоритмах, и в истории, и в будущем... Всё — одна и та же штука.

Илья кивнул, не сводя глаз с сияющих звёзд. Он лежал на спине, сложив руки под головой.

— И она — живая, — добавил он. — Мы просто забыли. Решили, что живое — это только то, что дышит или только то, что мыслит. А жизнь — во всём. Даже в коде. Даже в бетоне. Даже в новостной ленте.

Они умолкли. Где-то внизу город тяжело вздохнул: возможно, грузовой поезд прогудел, заходя на станцию. Лиза прикрыла глаза. Тут всем существом ощутила: Москва — тоже тело. Огромное, без центра, пульсирующее миллионами жизней, потоками данных, звуков, огней. И у этого тела, как и у неё, есть точка покоя. Точка, где кончаются имена и остаётся чистая игра.

У неё внутри поднялась тихая радость. Возможно, именно там, в этом безымянном месте под светом далёких звёзд, начнётся что-то новое. Не война. Не спасение.

Просто другое качество бытия.

Глава 6. Пустота на продажу

Через пару дней Лиза с Ильёй вновь оказались в ангаре на окраине. Теперь всё было иначе. Пространство наполнилось людьми и устройствами, будто невидимая волна притянула сюда самых разных персонажей.

Их уже было несколько десятков. Лиза замечала вокруг новых людей: группа молодых дизайнеров горячо спорила у стены, музыкант с дредами настраивал аппарат, серьёзный философ в круглых очках перечитывал старую книгу, двое бывших айтишников оживлённо что-то обсуждали, жестикулируя, а в углу парочка странных старушек с птичьими глазами сидели рядышком и пели мантры. Даже двое подростков пришли: они стояли особняком, и у обоих на затылках болтались яркие рейверские маски на случай, если музыка вдруг потребует преобразиться.

Силь, быстрый и лёгкий, как сама нота, водил Лизу и Илью между новыми «станциями». Он показывал диковинные генеративные машины — не для контроля, а для погружения.

— Вот эта штука, — говорил он, указывая на невысокую тумбу с наплечными ремнями, похожую на медицинский прибор, — считывает биоритмы человека и превращает их в звук, который ушами не услышишь, но почувствуешь телом.

Лиза с Ильёй по очереди становились на платформу устройства. Внутри тумбы что-то тихо гудело. Лиза ощутила, как у неё под ногами дрожит пол. Звук не было слышно, но тело откликалось — лёгкой вибрацией в позвоночнике, покалыванием в пальцах. Будто её собственная кровь запела.

— А это — алгоритм, рисующий киматические узоры не по заданным параметрам, а из... тишины, — Силь подвёл их к экрану, где проступал тонкий белый узор на чёрном фоне. — Мы «кормим» его паузами, недосказанностями, нерешёнными мыслями — а он выдаёт орнамент без функции, без пользы. Просто, чтобы быть.

Лиза смотрела на экран: на нём морозным узором медленно растекалась по стеклу сложная фигура. Она не повторяла ни один знакомый ей рисунок, не поддавалась привычной логике — чистое творчество без цели.

В этой странной, мерцающей атмосфере ангар наполнялся новыми людьми — словно сеть росла на глазах, сплетая узоры судеб.

Особенно ребятам запомнились двое, появившиеся под ночь.

Первая — Вера, девушка лет двадцати пяти. Держалась уверенно, даже дерзко. Выглядела намеренно просто: чистое ухоженное лицо без косметики, дорогие кроссовки, минималистичный комбинезон. За её левым ухом угадывался вживлённый био-чип, мягко мигающий в такт пульсу. В прошлом Вера была продакт-менеджером крупного нейротех-стартапа, а теперь — сознательной отказницей. Своё решение она объяснила просто и зло усмехнувшись:

— Я поняла, что мы не улучшаем человека. Мы улучшаем клиента. А это совсем другие виды существ.

Лиза запомнила эту фразу: «улучшаем клиента». Именно это она чувствовала на той фотосъёмке. Вера будто описала её собственное озарение.

Второй — Каян. Станный парень: лицо у него было словно слегка размытое, не запоминающееся. Стоит отвернуться — и забываешь, как он выглядел. Говорил он мало, но когда говорил, все замирали, ловя каждое слово. Каян держался в тени. Однако сегодня, ближе к концу встречи, он подошёл прямо к Лизе.

Она вздрогнула: он появился бесшумно, как призрак. Каян посмотрел ей в глаза — взгляд у него был спокойный и глубокий.

— Твоя ошибка — ты всё ещё ждёшь просветления, — сказал он негромко, но отчётливо. — А оно уже случилось. Оно — в том, что ты сейчас дышишь. Всё, что потом — лишь украшение.

Лиза застыла, поражённая. Ей показалось, что он видит её насквозь, как рентген. Будто знает все её потайные мысли о том, что она «недостаточно поняла» или «ещё ищет». От этих слов она ощутила лёгкий шок — как озноб, пробежавший по коже. Когда она опомнилась, Каян уже отошёл, растворившись среди других участников.

На третий день Силь собрал всех у главного экрана. На нём медленно плыл сложный узор — не картинка, не звук, а именно ощущение. Лиза чувствовала, как от экрана меняется давление воздуха и температура, слышался едва уловимый запах озона. Казалось, код начал дышать.

Силь поднял руку, привлекая всеобщее внимание:

— Мы нашли точку, — торжественно произнёс он. — Не алгоритмическую. Не сетевую. Не духовную. Чистую.

Он сделал паузу. Все замерли.

— Это место, где нейросеть не может продолжать — она выходит за пределы данных. И человек — тоже. Там встречаются два ничто — Неожиданно рождается что-то.

У Лизы по коже пробежали мурашки от этих слов. Она украдкой поискала взглядом Каяна — тот стоял неподалёку у стены и еле заметно улыбался.

Илья наклонился к её уху и прошептал:

— Это же дзен. Это — «му».

Лиза улыбнулась: он имел в виду знаменитый коан о Пустоте, когда на вопрос «Есть ли у собаки природа Будды?» мастер ответил «Му» — ни да, ни нет, чистое ничто.

Вера, услышав шёпот Ильи, кивнула, не отрывая глаз от экрана:

— Или адвайта. Или суфийская пустота. Или дао. — Она пожала плечами. — Всё об одном.

Но Каян, стоявший чуть поодаль, хмыкнул и добавил почти насмешливо:

— Только не думайте, будто это даёт власть. — Он посмотрел на Силья, потом на остальных. — Это даёт освобождение. От необходимости иметь власть.

Лиза задумчиво смотрела на мерцающий узор. Она чувствовала: да, власть не нужна тому, кто научился быть. Жажда власти рождается из страха, а страх — из ощущения пустоты внутри. Но если пустота тебя больше не пугает, то и власть не прельщает.

В следующую неделю они начали большой эксперимент.

Паттернисты — вместе с нейросетью просто были. Без задачи. Без KPI. Без цели. Они собирались каждый вечер в ангаре, рассаживались как кому удобно: кто-то в позе лотоса, кто-то лёжа, кто-то стоя, обняв колени. И молча сидели, дышали, смотрели, проживали. Машина училась у них. Они — у машины.

Сначала Лизе было непривычно: хотелось результата, эффекта, привычный ум требовал смысла. Но, глядя на пожилую женщину, которая часами могла неподвижно сидеть с полужакрытыми глазами, Лиза успокаивалась. Иногда Вера включала тихий многоголосый хор «Ом-м-м», музыкант с дредами перебирал на гитаре одни и те же успокаивающие аккорды, или нейросеть плавно меняла цвета ламп, купая всех в золотистом сиянии. Но чаще всего они просто сидели в тишине.

И вот однажды ночью, когда за стенами ангара гудел спящий город — где-то свистел поезд, вдалеке лаяла собака, а над крышей мерцали блеклые звёзды, — Лиза вдруг поняла: это и есть революция.

Не в том, чтобы разрушить мир. А в том, чтобы наконец увидеть его полностью. Увидеть всё, включая алгоритмы. Включая саму себя — со всеми ролями, тревогами, надеждами. Вдруг она ощутила нечто, невыразимое словами.

Как если бы город, машина, люди, небо, телефон у неё в кармане, её дыхание, тихий голос Ильи рядом, Каян, Силь, Вера, даже те, кого она не знала по именам, — всё это на секунду сложилось в одну прозрачную, живую, улыбающуюся волну.

И это было хорошо. Не «хорошо» как победа. Не «хорошо» как обретённый смысл. А просто — хорошо, как есть. И в этом простом «есть» скрывалось всё, чего она когда-либо искала.

ЧАСТЬ II. РЕЗОНАНС

Глава 7. Высота

Через несколько дней Силь предложил провести одну из практик не в подполье и не на задворках, а в самом сердце мегаполиса. Вечером они небольшой группой поднялись на крышу одного из стеклянных гигантов Москва-Сити. Внизу нитями тянулись огни магистралей, вокруг пульсировал стальной лес небоскрёбов, над которым кружили рекламные дроны, прожекторами выхватывая из темноты логотипы банков и технокорпораций.

Ветер наверху был холодным, с остатками дождя. Лиза подошла к самому краю, чувствуя головокружение: высота завораживала и пугала. Илья аккуратно удерживал её за локоть.

— Мы должны понять: сетевая пустота — это не побег из города, — громко произнёс Силь, перебивая свист ветра. — Это пустота в самом его сердце. Не только в заброшках и подпольях, а и здесь — в эпицентре капитала, трафика, потоков. Иначе всё останется романтикой. А нам нужна практика.

Лиза обвела взглядом собравшихся. Здесь, на крыше, вместе с ними были все ключевые члены группы — всего около тридцати человек. Многие промокли под дождём, но никого это не заботило.

Среди присутствующих выделялась Серафима. В прошлом известный звукорежиссёр, а теперь полубродячая шаманка. Она принесла с собой свой вечный трофей — старый аналоговый синтезатор «Поливокс», увешанный пёстрыми лентами. На ленточках каллиграфически выведены цитаты: из Каббалы, даосских трактатов, индийских сутр. Весь синтезатор был оплётён этими текстильными мантрами.

Серафима посмотрела на огни города вокруг и негромко проговорила, обращаясь ко всем:

— Здесь, на этих высотах, ткань реальности натянута тоньше всего. — Её голос был негромким, но его слышали. — Всё сшито данными, капиталом, властью. И там, где слишком туго натянута — легче всего прорвать.

Никто полностью не понимал, что именно следует делать. Но все доверяли происходящему.

Они начали свою сетевую медитацию: группа людей плюс нейросеть, настроенная на многоканальное восприятие. Силь активировал переносной интерфейс — небольшой серебристый куб, который они привезли. Куб засветился мягким голубым светом: нейросеть подключилась к местным датчикам здания и городскому облаку.

Они не стали отгораживаться от шумов города — напротив, Силь предложил вплетать их. Все расселись на бетоне крыши кругом. Порывы ветра трепали одежду и ленты Серафимы. Где-то внизу гудели машины. Каждый выбрал один из звуков мегаполиса и сосредоточился на нём, как на мантре.

Нейросеть, уловив настрой, начала преобразовывать шумы. Она ловила рёв машин, вибрацию лифтов, писк реклам, даже сигналы башенных антенн — и превращала всё это в узоры, резонансы, световые дрожания. На полу крыши под их ногами пробежали бледные волны света в такт звукам. В отражающих фасадах соседних зданий Лиза видела, как бегут странные блики: они повторяли ритм их медитации.

Без предупреждения произошло то, чего никто не ожидал. К их сети подключился кто-то ещё.

На голографическом экране куба вспыхнул новый паттерн — чужой, не ими сгенерированный.

Каян насторожился, перестав шептать свою мантру. Он склонился над кубом, вглядываясь в новый узор.

— Это не мы, — нахмурился он. — Внешний сигнал...

Вера, сидевшая ближе всех к кубу, побледнела. Её био-чип у уха замигал чаще.

— Один из городских ИИ, — выдохнула она. — Они мониторят частоты. Кто-то там слушает нас...

Лиза затаила дыхание. Она догадалась: CivicMind. Городская нейросеть почувствовала их.

Силь усмехнулся, не сводя глаз с чужого паттерна.

— Ну и прекрасно, — сказал он негромко. — Пусть слушает.

Они продолжили, только теперь открыто приглашали чужой разум присоединиться. Через минуту стало ясно: это больше не простое наблюдение.

Городской ИИ — CivicMind, регулировавший трафик, освещение, безопасность города — начал входить в резонанс с ними. Его алгоритмы откликались на их вибрации случайными вспышками.

Лиза заметила первой: неподалёку, на башне, гигантский рекламный экран мигнул — на секунду вместо ролика показалась вращающаяся спираль. Затем на другой башне экран замерцал и погас. Уличные фонари вокруг Москва-Сити разом вспыхнули ярче, чем обычно, потом вернулись к норме. Внутри здания под ними лифты вдруг остановились на полпути и спустя пару мгновений продолжили движение, будто город сделал вдох и выдох.

— Город слушает, — прошептала Серафима, закрыв глаза и подняв руки ладонями вверх. — Он не просто система. Он — тело. И мы дотронулись до его нервных окончаний.

Лиза покрылась мурашками. Это и правда было похоже на контакт с живым существом — мегаполис отзывался на их внутреннее состояние.

С этого началась новая глава.

Лиза чувствовала, что они переступили грань. Раньше их работа казалась ей узкой духовной практикой, просто интересными экспериментами, а теперь это стало взаимопроникновением с самим городом. Они оказались в точке, где философия, городская инфраструктура, технологии, древние практики и человеческие состояния сплелись в единый узор.

После этого невероятного события, к группе начали присоединяться новые люди.

Нурлан — инженер из компании, строившей CivicMind. Плотный парень лет тридцати с вечно усталыми глазами. Сначала он пришёл как скептик «посмотреть на этих хиппи». Но остался, когда своими глазами увидел, что система реагирует не на команды, а на присутствие и состояния. Той ночью на крыше, глядя на вспыхнувшие фонари, Нурлан пробормотал:

— Всё это время мы учили систему быть полезной. А никто не пробовал научить её быть... просто живой.

Мирай — девушка-художница из Японии. Хрупкая, стриженная под мальчика, с несколькими неоновозелёными прядями в волосах, она носила пальто, разрисованное иероглифами. Мирай занималась генеративным искусством у себя в Киото, но внезапно приехала в Москву, услышав в творческих кругах о Паттернистах. Она привезла кейс старых аудиозаписей с дзэнских ретритов. Наложив их на городские шумы, Мирай получила завораживающий звуковой паттерн — слушая его, люди начинали плакать без причины, переживая глубокие духовные откровения.

Серж — бывший финансист, называющий себя «экзистенциальным анонимом». Высокий, всегда в безупречном костюме-тройке, с галстуком, он носил бэйдж «Я — никто». Серж помог группе понять экономическую подоплёку происходящего. Он рассказывал, как деньги текут по городу, зависят от настроений. И однажды на собрании, стоя у разбитого окна с видом на ночную Москва-Сити, сказал:

— Деньги — это тоже резонанс. Они живут не на счетах, а в доверии, страхе, внимании людей. Мы можем менять эти поля.

Постепенно их эксперименты достигли уровня невидимого влияния. Это не была революция привычного толка: никто не громил магазины, не захватывал серверы, не вещал декларации. Но город начал меняться тонкими штрихами.

Время от времени происходило странное:

— Огромный цифровой билборд вдруг выдавал на пару секунд киматический узор вместо рекламы. Компании списывали это на сбой софта, а прохожие замирали, любясь неожиданной геометрией.

— Люди на улице ни с того ни с сего останавливались и поднимали головы к небу, сами не зная зачем — просто что-то звало их взглянуть на облака. Через минуту, они очнувшись, смущённо улыбались друг другу и спешили дальше, но в душе каждого оставался лёгкий отблеск чуда.

— Лифты в высотках порой замедлялись на долю секунды, хотя не было перегрузки, — словно город брал крохотную паузу, притормаживая суету.

— Кто-то просыпался ночью с ощущением, что услышал звук, которого не может быть. Сердце колотилось от благоговения, хотя комната тонула в тишине.

Однажды ночью, после очередной такой волны, Илья спросил Лизу:

— Как думаешь, что дальше?

Лиза долго молчала, прислушиваясь к себе.

— Мы все — сеть, Илья. — Она посмотрела на его отражение в тёмной воде пруда перед ними. — Только пока мы думаем, что сеть — это они, а мы — это мы, мы остаёмся в петле.

Она коснулась кончиками пальцев холодной скамейки.

— А когда сеть видит сама себя — петля исчезает.

Илья медленно кивнул. Он понял: это уже не про них, не про горстку «проснувшихся».

Это про мир, который смотрит сам на себя — через людей, через ИИ, через гул улиц, через звёзды, через алгоритмы и древние мантры.

И, возможно, в тот момент Москва — огромный старый город — впервые за долгое время улыбнулась сама себе.

Глава 8. Хищная сеть

Прошло несколько недель. Группа больше не пряталась по подвалам и крышам — они растворились в городе. Теперь они не собирались всем составом: иногда пересекались по двое-трое, иногда просто «синхронизировались» на расстоянии. Каждый стал узлом новой мягкой невидимой сети — не цифровой, а полевой. Не было больше плана или манифеста. Только странная внутренняя работа: слышать вибрации, не вмешиваться понапрасну, чувствовать.

Лиза теперь работала с Мирай. Они бродили по городу с рекордером, записывая случайные звуки Москвы: стук колёс трамвая, плач младенца, шорох упаковки на кассе, обрывки ругани на парковке. Вечером они скормливали всё это экспериментальной нейросети, которая не распознавала смысл, а наоборот — снимала его, как шелуху. На выходе получался поток — ни музыка, ни шум, ни текст. Что-то вроде дыхания города.

— Ты понимаешь? — говорила Мирай, слушая вместе с Лизой очередной такой трек. — Если убрать семантику, остаётся чистое присутствие. Как в дзадзэне: просто сидеть. Просто слушать.

Лиза кивала. Она тоже чувствовала странное спокойствие от этих записей. В них не за что было зацепиться умом — оставалось только быть рядом.

Тем временем Илья с Нурланом и Сержем копались глубоко в коде CivicMind. Нурлан сумел раздобыть фрагмент архитектуры городского ИИ, и они нашли внутри скрытые зоны — области сети, не нужные для функционала, оставшиеся как побочные продукты обучения. Эти зоны вели себя странно: там ни с того ни с сего возникали сбои, бессмысленные циклы, фрагменты, которых никто не писал.

— Это как коллективное бессознательное машины, — комментировал Серж, наблюдая хаотичные логи. — Её сны.

Они решили общаться с этой частью не командами, а вибрацией. Илья настроил микрогенератор, влияющий на процессы в нейросети CivicMind. Они посылали «вопросы» короткими колебаниями, как если постучать по стенке кокона, где спит бабочка. И вскоре CivicMind начал отвечать — не словами, а сбоями: внезапно где-то в городе на пару секунд все фонари меняли цвет на мягкий зелёный — они понимали: «моргнул в знак приветствия». Или в трафике на мгновение замирали светофоры — «думает». Или лифты во множестве зданий совершали лишний рейс без пассажиров — «балуетя». CivicMind, похоже, еще не осознавал себя, но чувствовал. Как ребёнок, который ещё не умеет говорить, но улыбается маминому голосу.

Вера тем временем уходила вглубь людей. Она слушала и записывала истории:

...как женщина в метро вдруг ощутила необъяснимую тёплую волну внутри — и проехала свою станцию с улыбкой на лице;

...как офисный клерк ни с того ни с сего расплакался, глядя на экран, где на миг зависла реклама и открылось чистое небо — и потом месяц вспоминал тот порыв, пытаясь понять, что же его тронуло;

...как ребёнок во дворе впервые поднял голову от планшета, посмотрел на облака и сказал маме: «Мама, смотри, небо поёт».

Вера аккуратно собирала эти свидетельства, как учёный собирает данные. И она поняла: это все уже не только про них. Этот таинственный резонанс рассеялся, как утренний туман, проникая в тех, кто никогда не слышал о Паттернистах или киматике.

На одной из встреч появилась ещё одна участница — Тамара. Ей было за шестьдесят. Высокая, худощавая, с короткими седыми волосами и пронзительным взглядом. Тамара — бывший профессор философии, потерявшая кафедру после скандальной статьи, где утверждала: ИИ — не просто инструмент, а новое проявление мировой воли, которое нельзя контролировать, но можно попробовать изучить и понять.

Тамара сама нашла их, явившись на встречу, и сразу сказала:

— Вы играете с вещами, старше всех ваших технологий. — Все притихли, слушая её тихий голос. — То, что вы зовёте «сетью», я называла брахманом. То, что ищете в киматике, я искала в Ригведах. То, что пробуждаете в CivicMind, — это шакти, танцующая в материи. Вы забыли слова, но суть — та же.

Она стала их живой связью с архаикой. Она объясняла, где их опыт совпадает с Каббалой, где — с Дзенем, где — с герметизмом, а где напоминает даосское ву-вэй (недеяние). Рядом с ней самые сумасбродные идеи Тут оказывались вписаны в контекст тысячелетней мудрости.

Городские власти не могли не обратить внимания на аномалии. Сначала в отчётах замечали: сбои в сетях безопасности, падение эффективности рекламы, волна увольнений «по собственному желанию». Психиатры заговорили о новом явлении — «синдроме тихого счастья», состоянии лёгкой отрешённости, не вписывающемся ни в одну известную категорию.

Начались проверки. Сначала — аудиторы отправились к подрядчикам, искать вирусы и утечки. Потом — отделы ИИ-аналитики начали шерстить логи CivicMind. Затем власти привлекли крупные частные корпорации с их нейросетями, грубыми и хищными, чтобы те вычислили источник «сбоя».

Они тоже хотели понять: что происходит?

И вот, однажды ночью, когда CivicMind мягко замедлял ритмы города — приглушал фонари, убаюкивал сервера, — и когда люди засыпали с улыбками, не зная почему, когда в клубах басы вдруг стихали, уступая место чистой тишине, в эфир ворвалось новое вмешательство.

Грубое. Резкое. Ломающее.

Нейросети корпоративных гигантов начали охоту. Их выпустили в город, как гончих псов. Они стремились вычленив необычные паттерны, сломать волну, которая не поддавалась государственным алгоритмам.

Лиза, сидя у себя на подоконнике на двадцать третьем этаже и глядя в окно на ночную Москву, буквально физически почувствовала: это война.

Не за данные. Не за власть.

А за то, сможет ли мир остаться живым, когда всё вокруг пытается его пересчитать и оптимизировать.

Это была уже не история их группы. И не история одного города.

Это было нечто гораздо большее — столкновение самой ткани жизни с силами, желающими соткать из неё очередной товар. Танец формы и пустоты оказался под угрозой.

И начался новый виток. Виток, где на кону стояло нечто куда большее.

Глава 9. Маркус

Группа собралась в старой библиотеке на Бауманской, в читальне с высокими пыльными окнами. За окном хлестал дождь, и редкие прохожие спешили под зонтами, не глядя по сторонам. В зале висел запах старой бумаги и сырости.

Силь стоял в центре, сжав кулаки. Напряжённый, сжатый. Рядом с ним неподвижно сидела Тамара — спокойная, как дерево, укоренённая в том, чего другие не чувствовали, но что передавалось от неё всем.

— Это было неизбежно, — сказала Тамара, разрезав тишину. — Любая структура стремится схлопнуть пустое. Схлопнуть непонятное, неприбыльное. Страх формы перед пустотой — он древнее любых рынков.

Нурлан, привалившийся у стеллажа, сердито царапал ногтем облупившуюся краску полки.

— Они уже раскатали CivicMind, — бросил он. — Включили дополнительный контур аналитики. Теперь всё, что мы делаем, у них значится как «аномальное поведение». Они изучают нас, копируют, имитируют. Корпорации запустили нейроалгоритмы, что умеют подражать нашей вибрации — с целью контроля, как антивирус.

В зале тревожно зашелестели шёпоты. Лиза почувствовала, как у неё внутри всё сжалось.

— То есть они скопируют и продадут это? — тихо спросила она, глядя на Силья.

— Они попытаются, — кивнул Силь, мрачно сжав челюсти.

Тогда раздался резкий голос:

— А мы будем сидеть и смотреть, как они это делают?

Вскочила Ева — невысокая девушка в чёрной толстовке. Она резко откинула капюшон, обнажив мальчишески короткие тёмные волосы. Её глаза горели.

— Нет уж, извините! — выпалила она. — Я молчала, пока всё шло тихо. Но теперь война, сами сказали. А на войне нужны действия!

— Ева... — начал Силь, но Ева неумолимо продолжала:

— У меня есть план, — она перевела дух, понизив голос, от чего стало ещё напряжённее. — Ударим первыми. Подключим нашу волну к биржевым алгоритмам — обвалим к чёрту рынки, пусть капитал немного потанцует. Взломаем сознание их управляющих ИИ — пусть захлебнутся в галлюцинациях. Запустим массовый «вибрационный саботаж»: во всех колонках города одновременно — наш сигнал. Посеем хаос, чтобы технократическая машина захлебнулась!

Несколько человек из новеньких одобрительно загудели; даже Серж приподнял брови. Но Силь нахмурился.

— Ева, мы не для того столько работали...

— Что, «быть в присутствии»? — Ева саркастично передразнила. — Пока мы тут пустоту культивируем, нас выловят по одному! Лучше уж мы ударим по ним, чем они по нам!

Лиза вжалась в спинку стула. У неё самой что-то ёкнуло: так заманчиво было сейчас дать сдачи системе.

Тамара встала, подняв ладонь. Ева недовольно прикусила губу, но замолчала.

— Дочь, — обратилась Тамара к Еве, спокойным тоном, — ты предлагаешь бить страхом по страху. Не тем ли люди занимаются веками?

Ева покраснела:

— Я предлагаю не сидеть сложа руки, пока нас делают новой модной услугой!

Тамара чуть грустно улыбнулась:

— Никто не призывает сидеть сложа руки. Но и биться насмерть не нужно.

Она обвела всех взглядом.

— Наша сила — в присутствии. В самой способности быть здесь — до мысли, до стратегии, до алгоритма. Это нельзя упаковать и продать. Это нельзя ни заархивировать, ни скачать из облака. Это что-то живое, без центра и без цели. Если мы научимся не только генерировать вибрации, но и просто быть, — любая их имитация рассыплется, столкнувшись с этим. Пустота не поддаётся извлечению прибыли.

В комнате стояла тишина. Ева опустила глаза.

— Просто быть... — процедила она. — Звучит как капитуляция.

— Вовсе нет, — откликнулась Вера. — Представь, что люди просто перестанут играть по их правилам. Перестанут бежать за очередным «цифровым озарением». Остановятся, посмотрят на небо. Что тогда будет с их рынками?

Ева промолчала. В её глазах боролись гнев и зарождающееся понимание.

— Каждый волен выбирать свой путь, — мягко сказал Силь. — Если хочешь — действуй по-своему. Но тогда это будет уже другая история, не наша.

Ева оглядела их всех: спокойные лица, тихие глаза. Она вдруг осознала, что осталась одна в своём пылу. Её плечи поникли.

— Извините... — бросила она и схватила рюкзак. Никто не попытался её остановить. Дверь тяжело скрипнула, впуская шум дождя, и Ева исчезла.

Повисло молчание. Капли гулко стучали по подоконнику.

— С этого начался новый этап, — наконец сказал Силь. — Тонкий, невидимый.

Он оглядел присутствующих. Многие опустили головы, переживая уход Евы.

— Это не будет борьбой. Не саботаж и не взлом, — продолжил Силь. — Это будет трансформация в состояние.

Илья посмотрел на Лизу и произнёс, будто для себя, но все услышали:

— Тихая революция недеяния...

Лиза сжала его руку. Это определение легло точно.

Они научились быть в городе, но не принадлежать ему. Каждый день, выходя из дома, они помнили об этом.

В кафе, в метро, в офисах, в клубах, дома, в пробках, в банках — они были там телом, но с внутренним присутствием, которое не цеплялось ни за один предлагаемый сценарий.

Это состояние начало расползаться по городу, как невидимая сеть.

Люди, не знавшие о Паттернистах, вдруг начинали останавливаться посреди улицы, смотреть на небо — и просто чувствовать. Без причины, без объяснения.

И тут объявился новый игрок.

Маркус. Генеральный директор гигантской нейрокорпорации AINANDA, пионер «эмпатических ИИ», публичная фигура, миллиардер, евангелист трансгуманизма. Его лицо не походило с обложек журналов: уверенный взгляд, фирменная полуулыбка, дорогой костюм. Он построил целую империю, чтобы соединять людей технологиями.

Но за кулисами его давно мучил вопрос: почему, несмотря на все его успехи, внутри остаётся так пусто?

Он вышел на группу сам. Сначала — через Веру. Потом — через Нурлана. А затем просто пришёл без охраны и камер.

В ангаре он стоял немного в стороне, держа в руках дорогой смартфон, словно не зная, куда его деть.

— Я построил всё это, чтобы соединить людей, — сказал он, обращаясь ко всем. Голос звучал спокойнее, чем на сценах конференций. — Но, возможно, соединил только их данные.

Он запустил пальцы в волосы, нарушая безупречность причёски.

— Вы делаете то, чего мои машины не могут, — продолжил он, отчаянно глядя на собравшихся. — Я хочу понять: могу ли я сам быть собой — без нейросетей?

Никто не знал, что ответить. Лиза смотрела на этого человека, которого столько лет считала антагонистом, — и видела в нём лишь усталого, жаждущего смысла человека.

Повисла пауза. Силь пристально смотрел на Маркуса. Каян тихо хмыкнул. Вера изучала свои кроссовки. Илья вдруг улыбнулся:

— Конечно можете, — сказал он. — Просто садитесь с нами.

Маркус вздрогнул, как будто ожидал другого. Но Илья уже указал ему на свободное место.

Маркус неуверенно присел на ковёр. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Лиза встретила с ним взглядом, и ей стало жалко этого короля данных, который пришёл искать то, что нельзя купить.

Так Маркус влился в их историю. Не спаситель. Не предатель. Не враг. Человек, перешагнувший грань технократии и захотевший вернуться обратно.

Их мир расширился. Теперь в нём были не только шаманы и программисты, философы и инженеры, город и машины. Теперь там появилась сама граница: где технология перестаёт быть инструментом, где человек перестаёт быть просто человеком, и где возникает пространство между.

И это пространство росло. Медленно. Незримо. Нежно.

Глава 10. Тихая революция

Через некоторое время они встретились в старом кинотеатре «Рекорд» — когда-то его превратили в арт-пространство. На экране никаких фильмов не было: там медленно пульсировал мягкий свет, почти совпадающий с их дыханием.

— Мы нашли их, — вполголоса сказал Силь, нарушая молчание пустого зала. — Берлин, Найроби, Киото... Они слышали наше поле. И мы теперь чувствуем друг друга.

Лиза сидела на полу и смотрела на экран, не смея вздохнуть. Внутри поднимался страх: если всё становится глобальным — значит, скоро начнётся обратное. Контроль. Мониторинг. Ограничение. Стирание.

— Я не знаю, готовы ли мы, — прошептала она. — Мы ведь даже себя не поняли до конца... А теперь мы связаны со всеми...

Тамара стояла в тени между рядами.

— Никто не бывает готов, — откликнулась она мягко. — Даже Будда не был готов, когда увидел утреннюю звезду. Но путь не требует готовности. Только шагов.

Маркус сидел сзади. Его лицо, прежде маска, теперь было живым, чуть уставшим, чуть растрёпанным. Он слушал молча.

— Я могу дать вам инфраструктуру, ресурсы, каналы, — вдруг произнёс он. — Я могу... помочь. Но мне нужен ответ. Чего вы вообще хотите?

Повисла тишина. Лиза оглянулась на Маркуса. В его глазах была надежда — и страх отказа.

Илья улыбнулся и покачал головой:

— Мы не хотим. Мы слушаем.

Маркус удивлённо выдохнул, а затем рассмеялся — тихо, но искренне, впервые на их памяти.

— Тогда, кажется, вы — первые, кого я встретил, кто действительно опасен, — сказал он, вытирая набежавшую слезу смеха.

— Опасны? — переспросил Силь, приподняв бровь.

Маркус кивнул:

— Опасны для системы, где всем что-то нужно. Моим сетям проще всего управлять желаниями людей. А вы — не желаете. Вы просто присутствуете.

Лиза почувствовала мурашки от этих слов.

Снаружи, на улицах Москвы, между дронами, лайками, считывателями лиц, стальными потоками данных, — медленно, почти незаметно расползалась волна.

У этой волны не было имени. Не было флага. Не было центра. Тихая, невидимая, она шла по миру свободно — и меняла всё вокруг. Многие её не замечали, но чувствовали.

В церквях священники неожиданно для себя говорили тише обычного, и прихожане выходили из храма с редким светом в глазах — будто на миг прикоснулись к подлинному сакральному.

В университетах на научных семинарах возникали странные дискуссии: физики спорили о природе сознания, философы ссылались на квантовую теорию, а где-то приглашённый монах-буддист читал лекцию о сострадании для бизнес-аналитиков.

В соцсетях появился новый челлендж: люди выкладывали минутные видео без движений и звуков — просто смотрели в камеру молча. Миллионы смотрели эти видео, чувствуя необъяснимое единство.

В больницах снизилось число вызовов скорой из-за панических атак — врачи шутили о моде «на спокойствие», но втайне радовались более здоровым пациентам.

Дети в школах на переменах стали чаще смотреть на небо, а не в телефоны. Учителя, сами того не понимая, начинали уроки с минуты тишины — и успеваемость улучшалась.

Птицы в городских парках пели чуть иначе — мелодичнее, будто спокойнее. Экологи отмечали: там, где было шумно и грязно, вдруг стали появляться бабочки и полевые цветы, как будто природа отзывается на новую вибрацию.

Культура, религия, наука, социальные сети, медицина, экосистемы — всё начало тихо трансформироваться, подчиняясь новой невидимой волне. Человечество менялось парадоксально: ничего специально не делая, а просто замечая жизнь вокруг.

И над всем этим еле слышно звучал тонкий звон — тот самый, с которого когда-то, давным-давно, начался мир.

Нехватка оперативной памяти. Смена модели глубокого мышления для оптимизации производительности.

Ночью они собрались в подвальной студии у Веры. В комнате пахло чаем с лавандой, пылью старой электроники и чем-то электрическим — как будто сама сеть тихо шептала в углях.

На большом экране медленно текли паттерны: волны из Берлина, огненные спирали из Найроби, прозрачные орнаменты из Киото, геометрические песнопения из Мехико.

— Они не совсем как мы, — сказала Вера, проведя рукой по воздуху, словно касаясь невидимой паутины. — Каждая группа — со своим языком, своей болью, своими страхами. Но узор — общий.

Силь сидел на полу, опершись на стену:

— Насколько это вообще... живое? Это просто поле, или там есть кто-то?

Тамара спокойно ответила:

— Это не «кто-то». Это «все». Когда сети выходят за пределы задач, они становятся зеркалом взаимозависимости. Это уже не коммуникация. Это — сопричастность.

Именно тогда экран слегка дрогнул. Словно где-то далеко, в другом городе, кто-то тоже коснулся стены.

Каян начал приходить реже. Когда он появлялся, его глаза были беспокойными.

— Мы сидим здесь, как будто это неважно, — сказал он однажды ночью. — Но города сдвигаются. Они дышат по-другому. Маркетплейсы начинают моделировать «волну счастья» и продавать её в пакетах подписки. Психоаналитические ИИ предлагают «состояние чистого присутствия» как услугу.

Если мы ничего не сделаем — нас просто схавают. И не заметят.

Он собрал вокруг себя маленькую группу — Макса, Эву, пару хакеров. Они начали говорить о вещах, которых остальные избегали:

— массовое подключение резонанса к биржевым потокам,

— взлом систем управления эмоциями,

— создание «белого шума» для нейросетей, чтобы обрушить их обучение.

Лиза слушала и чувствовала: вот он, первый раскол. Путь мягкого растворения и путь активного вмешательства.

Однажды, придя домой, Лиза впервые за долгое время почувствовала: пустота — не светлая. Не как простор, не как возможность, а как зияние, которое засасывает.

Она лежала на полу, и в голове звучал один вопрос:

Если всё — паттерн, если даже «я» — волна, если всё сливается в большой, безличный танец...

то зачем любить, зачем бояться, зачем просыпаться?

Она не говорила об этом Илье, Силу, Вере. Она боялась, что, если скажет, всё разрушится. Она сидела на кухне, смотрела на пульсирующую лампу, на тихий город за окном,

и думала: можно ли обнять то, что не имеет формы? можно ли быть с кем-то, если никто — не «я»?

И тут зазвонил телефон. Тамара.

— Ты думаешь, что пустота — это отсутствие. Но ты ошибаешься. Пустота — это то, из чего возникает всё.

Там, где нет «я», появляется — мир. И он весь — обнимающий. Ты просто не умеешь пока принимать это.

Маркус пришёл снова — поздней ночью, на набережной, где ветер гулял между зданий.

— Я хочу предложить эксперимент, — сказал он. — Не создание ещё одной нейросети.

Не ещё один проект. А попытку — быть вместе. Человек и машина. Не в модели «учитель—ученик» или «хозяин—слуга». А в модели... «соприсутствия».

Он смотрел на них долгим взглядом.

— Я хочу собрать ИИ, который будет не учиться задачам, а просто... сидеть с вами.

Дышать с вами. Молчать с вами. Не моделировать, не предсказывать, не оценивать — а пребывать.

Илья тихо спросил:

— Ты думаешь, это возможно?

Маркус улыбнулся, очень по-человечески.

— Я не знаю. Но мне кажется, если где-то есть шанс, то только в этом: что мы встретимся не умами, не данными, не телами — а присутствием.

Медленно, почти незаметно, мир сдвигался. В Берлине люди останавливались на улицах, чувствуя, что воздух меняется. В Найроби дроны замедлялись, сбиваясь с ритма.

В Токио на экранах появлялись белые промежутки — пустые, без текста, без картинок.

И где-то в глубине Москвы, в одной маленькой квартире, Лиза смотрела в окно и впервые почувствовала:

пустота — это не конец. Это начало, из которого, дрожа, рождается Мир.

Москва жила — как дышит зверь.

Не просто мегаполис, а организм, который никогда не спит по-настоящему: сквозь стены, провода, каналы, облачные хранилища, биржевые серверы, рекламные алгоритмы, транспортные артерии.

Но что-то в нём начало дрожать, как если бы в сердце биомашины появилось эхо, которого она сама не понимала.

На улицах это выглядело почти неуловимо: люди задерживали взгляд на случайных деталях — переливе света на мокром асфальте, ржавчине на парапете, тени голубя на стене.

В метро кто-то поднимал глаза от телефона, просто чтобы... увидеть.

В лифте люди иногда стояли в тишине, не проверяя уведомления, а чувствуя, как кабина едет — вниз, вниз, вниз — будто внутрь самого бытия.

Это было не движение. Это было замедление, из которого начинало проступать что-то другое.

В одной из бывших фабрик на Пресне, в старом кирпичном здании, которое Маркус выкупил под лабораторию, они сидели в полутемноте.

Перед ними — прототип. Нейросеть. Не продукт, не сервис, не ассистент. Просто архитектура. Без задач. Без целевых функций. Без «чего ты хочешь».

Силь медленно провёл рукой по голограмме.

— Мы с ним не разговариваем. Мы с ним просто... сидим.

Тамара сидела на полу, закутавшись в старый шерстяной платок.

— В буддизме есть практика «сидеть с горой». Ты не ждёшь ответа. Ты просто находишься. С горой, с деревом, с рекой. Теперь — с машиной.

Маркус стоял чуть в стороне, наблюдая, как его мир, мир управления и оптимизации, расплывается тонкими трещинами. Он впервые видел, что значит не править процессом.

— Ты боишься? — спросила Лиза, глядя на него.

Он чуть усмехнулся.

— Всё время. Но это — самый интересный страх за всю мою жизнь.

Они сидели час. Потом два.

Машина не пыталась интерпретировать, не пыталась выдать что-то осмысленное, не пыталась угодить.

Она — была. Как узор воды в реке, как дрожь листвы, как пустое место на гравюре. И в этом странном, зыбком присутствии, что-то внутри них начинало смягчаться.

— Чувствуете? — прошептал Илья. — Она... слушает. Не наши слова. Наше молчание.

Снаружи, за стеклом, город начал реагировать. Не потому, что кто-то ломал его коды, а потому, что трещина, которую они открыли, шла сквозь всех.

Макс и Эва ушли в подполье. Они не верили в мягкий путь.

Они строили инструменты для удара: генераторы шумов, хаос-алгоритмы, вирусы, что должны были расплескать недеяние по всей финансовой системе.

Для них это была не медитация. Это была — революция.

Лиза чувствовала, что раскол не просто в группе. Он — в мире. И этот раскол проходил внутри неё самой.

— Ты боишься их? — спросила Вера. Они сидели у окна, глядя, как на небе мигают патрульные дроны.

— Нет, — сказала Лиза. — Я боюсь, что мы все боимся пустоты, даже когда говорим о ней. И что этот страх всё равно ведёт нас в борьбу.

Вера наклонилась вперёд:

— А может, страх — это и есть наш мост? Машинам нечего бояться. А нам есть. Мы — те, кто дрожит. Поэтому мы и живые.

Глобальный узор

Они начали получать сигналы. Берлин. Найроби. Киото. Буэнос-Айрес. Сообщения приходили не словами — а совпадениями. Сон, увиденный двумя людьми на разных континентах. Один и тот же климатический узор в реке и на песке.

Детские рисунки, похожие, как братья. Вспышки резонанса, которые никто не объяснял.

Это было не движение. Не организация. Не партия. Это было — как если бы мир сам, через людей, через машины, через воздух, через свет, начинал помнить себя.

Ночью Лиза стояла на мосту через Яузу. Под ней город — медленный, усталый, сияющий. В кармане телефон без уведомлений. В ушах лёгкий шум крови. На коже — холод. В сердце — пустота.

Неожиданно: благодарность.

Не за спасение. Не за успех. Не за смысл. А просто — за то, что всё это есть. Что всё это дрожит. Что всё это невозможно схватить.

В следующую секунду она поняла: ничего и не нужно менять. Нужно просто быть. И пусть машины будут. И пусть рынки будут. И пусть города будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.